

ПРИНЦЕССА
УЭЛЬСКАЯ

ГРАНАДА, ЛЕТО 1491 ГОДА

Раздался вопль, огонь жадно лизнул шелковое полотнище, тут и там послышались крики. Пламя перебежало от палатки к палатке, пожирая стяги, взбегая вверх по украшенным флажками веревкам, сквозь муслиновые входные завесы врываясь в шатры. Встревожились, заржали лошади, испуганные люди пытались их успокоить, однако ужас, звучавший в их командах, пугал животных еще пуще, и наконец вся равнина осветилась тысячей всполохов. Ночное небо затянуло клубами дыма, воздух задрожал от женского визга и грубых окриков.

— Мадре! Мадре! — тоненько позвала разбуженная шумом девочка. — Мавры? Это что, мавры?

— Спаси нас Господь! — всполошилась спросонья нянька. — Они подожгли лагерь! Надругаются надо мной, ироды, а тебя саблями порубят!

— Мама! — заплакала девочка, сползая с постели. — Где моя мама?

Путаясь ногами в рубашке, она кинулась из шатра, полотнища которого уже занялись огнем, и в ужасе замерла: вокруг тысячами костров пылали тысячи палаток. Веселым фейерверком взлетали в ночное небо искры, неся беду все дальше и дальше.

— Мама!

Тут из языков пламени появились два огромных коня, двигавшиеся в лад, как невиданные, сказочные звери, черные-пречерные на фоне пожара. С высоты к трепещущей от страха девочке склонилась мать.

— Оставайся с нянькой и держись молодцом! — приказала женщина, в голосе которой совсем не слышалось страха. — Мы с твоим отцом должны показаться войску.

Девочка протянула к матери руки:

— Возьми меня с собой, мама! Я тут сгорю! Меня мавры схватят!

Огонь отражался на нагруднике доспеха, в который была закована мать девочки, и на богато украшенных чеканкой ножных латах. Казалось, вся она была из металла, из серебра с позолотой. Снова наклонясь, она строго сказала:

— Если я не выеду к людям, они разбегутся. Ты же не хочешь этого?

— Мне все равно! — вскричала девочка. — Мне никто не нужен, кроме тебя! Возьми меня в седло!

Натянув поводья, ее мать направила коня прочь, бросив через плечо:

— Я вернусь за тобой. Жди здесь. Так нужно.

Девочка беспомощно смотрела, как родители удаляются.

— Мадре! Мадре! Пожалуйста... — захныкала она, но мать даже не обернулась.

— Мы тут сгорим! — раздался голос Мадиллы, ее служанки-арабки. — Побежали! Нужно спрятаться!

— Ты-то помалкивай! — с внезапно вспыхнувшим гневом обернулась к ней девочка. — Если меня, саму принцессу Уэльскую, можно оставить в пылающем лагере, уж ты-то, мориска, и подавно не пропадешь!

Она смотрела, как два всадника мелькали тут и там среди горящих палаток. Всюду, где они появлялись, стихали вопли, в лагере восстанавливался порядок. Солдат выстроили в ряд до самого оросительного канала, чтобы из рук в руки передавали ведра с водой. Генерал, лупя плашмя саблей, метался меж людьми, собирал из тех, кто только что со всех ног неся куда глаза глядят, оборонительный отряд на случай, если мавры, заметив со своих укреплений пожар и решив воспользоваться царящей в лагере суматохой, пойдут в атаку. Но мавры в эту ночь не напали. Они сидели за высокими стенами своей крепости и гадали, какую еще каверзу затеяли хитрые христиане.

Вернувшись к дочке, мать нашла ее собранной и спокойной.

— Каталина, ты как? — Изабелла Испанская соскочила с коня.

От того, чтобы опуститься перед девочкой на колени и прижать ее, свою самую младшую и самую любимую дочь, к сердцу, она себя удержала. Нежностями не вырастить из ребенка воительницу во имя Христа. Не дело — поощрять слабость в принцессах.

Та между тем держала спину прямо, как мать.

— Я справилась.

— Ты не боялась?

— Нет, совсем нет.

Королева одобрительно кивнула.

— Это хорошо, — сказала она. — Этого я и жду от испанской принцессы.

— И принцессы Уэльской, — прибавила девочка.

Это я, та девочка, пяти лет от роду, присевшая на сундук с сокровищами, с лицом белым, как мрамор, и синими, запахнутыми в страхе глазами, не позволяю себе дрожать, кусаю губы, чтобы удержаться от крика. Это я, зачатая в походной палатке родителями, которые не только любили друг друга, но и соперничали между собой, родившаяся дождливой зимой в момент краткого передыха от битв, возвращенная сильной женщиной, носившей доспехи, все детство проведенная в военных лагерях, самой судьбой предназначенная сражаться за свое место в мире, защищать свою веру против чужой, отстаивать свое слово против чужого. Я — Каталина, принцесса Испанская, дочь самых великих монархов, каких только знал мир, — Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского. Их имена вызывают трепет от Каира до Багдада, от Константинополя до Индии, но пуще всего их боятся мавры, как бы они ни назывались: турки, индийцы, китайцы, — это наши соперники, наши смертельные враги. Сам Папа Римский благословил Фердинанда и Изабеллу, нарек их королями — защитниками нашей веры, они величайшие в христиан-

ском мире крестоносцы и первые короли Испании, а я — их младшая дочь Каталина, принцесса Уэльская и будущая королева Англии.

В три года меня обручили с принцем Артуром, сыном короля Генриха, и, когда мне исполнится пятнадцать, меня посадят на красивый корабль, на самой высокой мачте которого будет развеваться мой штандарт; я поплыву в Англию и там стану женой Артура, а потом — королевой. Страна его прекрасна и изобильна, там много фонтанов, в которых поет вода, деревья осыпаны согретыми солнцем плодами, цветы многочисленны и ароматны, и, раз это будет моя страна, я хорошо о ней позабочусь. Договоренность о браке была достигнута едва ли не сразу, как я родилась; я всегда знала, что так оно будет, и, хотя мне жаль покинуть мамушку и родной дом, я рождена принцессой, мне предназначено царствовать, и я знаю, в чем состоит мой долг.

Я стану королевой Англии, потому что это Господня воля и приказ мамушки. И, как все в нашем мире, я верю, что Господь и мамушка единокорны и волю их следует исполнять.

Утром лагерь у стен Гранады выглядел свалкой залитого водой, дотлевающего мусора, почернелого тряпья, обгорелых лохмотьев, в которые превратились ковры и палатки. Куда ни глянь, пепелище, и все из-за одной беспечно зажженной свечки! Что оставалось делать, кроме как отступить? Лагерь испанской армии, гордо вставшей осадой под стенами столицы последнего в Испании королевства мавров, сгорел дотла. Да, придется отступить и начать сначала.

— Нет, отступить не будем, — непреклонно заявила Изабелла Католическая.

Годом старше своего мужа, красивая, умная королева отличалась энергией, упорством и самонадеянностью. Не уступая Фердинанду в честолюбии, она в противоположность ему была искренна и скромна, не любила полумер и гнушалась безнравственных средств. Несмотря на резкие различия в характерах, супруги жили в полном согласии,

благодаря сходству политических стремлений и такту, с которым вела себя Изабелла.

— Ваше величество, ничего не попишешь, — отмахиваясь от наглых мух, которые жадно роились над пожарищем, почтительно заговорил один из генералов, собравшихся на совет под обгорелым навесом. — Дело не в гордости и не в недостатке воли. Несчастливая случайность лишила нас крова и всех припасов. Придется отойти, подготовиться и снова начать осаду. Ваш супруг, — он сделал поклон в сторону темноволосого представительного мужчины, который стоял чуть в стороне от основной группы, но внимательно слушал все речи, — он с этим согласен. Мы все с этим согласны. Подготовимся, снова начнем осаду и победим. Хороший военачальник всегда знает, когда следует отступить.

Все закивали. Здравый смысл подсказывал, что иного пути нет. Год пропал, да, но решающая битва подождет. Уже семь веков она дожидается своего часа. Год за годом христианские короли приращивают свои земли. С каждой новой битвой мавританские правители Андалузии отступают все дальше на юг. Что за беда — лишний год потерпеть. Маленькая принцесса, прислонясь спиной к опорному столбу влажного, пропахшего мокрой золой шатра, внимательно смотрела на мать, у которой на лице не дрогнул ни один мускул.

— Нет, генерал, это вопрос именно гордости, и только так, — возразила та. — Мы сражаемся с врагом, для которого гордость важнее всего на свете. Если мы сейчас покажем им спину, уползем прочь в своих промокших платьях, с обгорелыми коврами под мышкой, они будут хохотать над нами — да так, что смех их услышат даже на небесах, в их мусульманском раю. Я такого допустить не могу. Но дело даже не в этом. Господь велит, чтобы мы победили мавров, Господь велит, чтобы мы двигались вперед. Следовательно, мы так и сделаем.

Король Фердинанд отвернул голову, тая чуть насмешливую улыбку, но смолчал и, только когда члены военного совета обратили свои взоры к нему, произнес:

— Королева права. Королева всегда права.

— Но мы остались без лагеря!

— Что ты скажешь на это? — обратился он к королеве.

— Мы построим новый, — сказала она.

— Ваше величество, опустошена вся местность на много миль кругом. Смеею сказать, не найдется из чего сшить даже плащ для маленькой принцессы. Нет ткани. Нет парусины. Нет источников воды, нет хлеба. Мы разрушили местные оросительные каналы, разорили деревни, потоптали поля. Мы разграбили все окрест, но от этого нам же хуже.

— Значит, будем строить из камня. Уж камень-то у нас, насколько я понимаю, есть?

Свой смешок король обратил в покашливание.

— Вокруг пустыня, любовь моя, — сказал он. — Если здесь что и есть, так это камень.

— Значит, построим, и не лагерь, а город из камня.

— Это неосуществимо! — раздалось вокруг.

Она повернулась к мужу:

— Осуществимо. Такова воля Господа и моя.

— Осуществимо, — кивнул он и улыбнулся мельком, одной только королеве. — Это мой долг — проследить, чтобы воля Господа была исполнена, и моя отрада — претворить в жизнь твою волю, любовь моя.

Армия, потерпев поражение от огня, обратила свои усилия к земле и воде. Подобно рабам, люди трудились в дневной зной и ночной холод. Как крестьяне, пахали поля, которые прежде считали себя вправе топтать. Все: офицеры, кавалеристы, генералы, могущественные вельможи, кузены короля, — все должны были тяжело трудиться под палящим солнцем днем и спать на холодной земле ночью. Мавры, глядя с неприступных стен своей Красной крепости, высившейся над Гранадой, пришли к выводу, что, пожалуй, в стойкости христианам не отказать. Вместе с тем всякий знал, что усилия их обречены на провал. Нет такой армии, которой под силу захватить Альгамбру, это не удалось никому за два века. Крепость из красного камня выстроена высоко на скале. Напасть на нее внезапно никак

нельзя, а стены так высоки, что взобраться на них никаким скалолазам не под силу.

Возможно, найдется предатель. Да только разве найдется такой болван, который бы прочному и надежному правлению мавров, за которыми весь цивилизованный мир и единственно праведная вера, предпочел невежество, фанатизм и безумие христианских королей, владеющих всего лишь клочком гористой Европы, и к тому же вечно ссорящихся! Кто решится покинуть этот чудесный мавританский сад, воплощение рая, разбитый в стенах самого прекрасного дворца в Испании, ради бесправия и раздора, царящего в замках и крепостях Кастилии и Арагона?

Подкрепление придет из Африки, у мавров родня и союзники повсюду — от Марокко до Сенегала, поддержит мавров и Багдад с Константинополем. Гранада, может быть, не так уж и велика по сравнению с городами, уже захваченными Фердинандом и Изабеллой, но за ней лежит величайшая империя в мире, империя пророка, да благословенно будет его имя.

Однако же день за днем, неделя за неделей, медленно, вопреки неласковой природе, христиане сделали то, что казалось невероятным. Сначала возникла часовня, круглая, как мечеть, потому что местным строителям было привычнее так строить, а их торопили. Потом небольшой домик с плоской крышей и внутренним двориком — для королевы Изабеллы, короля Фердинанда и королевской семьи: сына и наследника, инфанта, и четырех девочек: Исабель, Марии, Хуаны и младшенькой, Каталины. Королева только и просила, чтобы были стены и крыша; привычная к войне, на роскошь она не рассчитывала. Дальше построили с дюжину каменных лачуг, где неохотно расселились самые знатные военачальники. Затем, поскольку королева была женщина суровая и думала прежде всего о деле, появились конюшни и пороховые склады для хранения взрывчатых веществ, купленных, кстати, у венецианцев на личные драгоценности ее величества. Потом, и только потом были устроены бараки и кухни, лавки и харчевни. Короче говоря, там, где стоял палаточный лагерь, теперь

возник городок. Никто и не мыслил, что такое осуществимо, однако же вот он, стоит, и назвали его Санта-Фе. Изабелла снова одержала победу над злой судьбой, и осада Гранады продолжалась.

Пятилетняя Каталина, принцесса Уэльская, гуляя, набрела на группу перешептывающихся испанских грандов.

— Что это вы тут затеваете, дон Эрнандо? — спросила она с уверенностью всеобщей любимицы.

— Ничего особенного, инфанта, — ответил ей кабальеро Эрнандо дель Пульгар, улыбкой поощряя девочку продолжить расспросы.

— Нет, затеваете!

— Это секрет.

— Я не проболтаюсь!

— Нет, принцесса! Проболтаетесь, непременно! Это очень, очень большой секрет. Слишком большой для маленькой девочки!

— Честное слово, никому не скажу! — И, немного подумав, прибавила: — Клянусь Уэльсом!

— Уэльсом? Вашей страной?

— Всей Англией!

— Всей Англией? Вашим достоянием?

Она кивнула:

— Уэльсом, Англией и Испанией в придачу!

— Ну что ж... Раз уж вы дали такую страшную клятву, я вам скажу. Но вы точно не побежите к матушке?

Она кивнула опять, затаив дыхание, распахнув синие глаза.

— Мы вот что: мы сегодня отправимся в Альгамбру. Я разузнал туда ход, боковую дверцу, которая, сдается мне, не слишком хорошо охраняется, мы сможем пробиться. И вот мы туда войдем, и знаете, что мы сделаем?

Она потрясла головой так, что светлые косички заплясали под покрывалом, как щенячьи хвостики.

— Мы помолимся в их мечети! И еще я оставлю там молитву Святой Деве, пригвоздив кинжалом листок бумаги к двери. Что вы на это скажете?

Она была слишком мала, чтобы понять, что они идут на верную смерть. Откуда ей знать, что стража стоит на чеку у каждого хода, что ярость мусульман безгранична. Синие глаза заискрились восторгом.

— А когда вы пойдете туда?
 — Сегодня! Этим же вечером!
 — Я не засну, пока вы не вернетесь!
 — Нет, лучше помолитесь за меня и усните, а утром я сам приду, чтобы рассказать, как все было, вам и вашей матушке-королеве.

Она все-таки решила, что не уснет, и долго лежала, стараясь не спать, в своей кровати, тогда как нянька металась и ворочалась на ковре у двери. Наконец веки сомкнулись, пухлые ручки разжались, и Каталину сморил сон.

Однако утром Эрнандо не пришел, его коня в конюшне не оказалось, друзей его тоже отыскать не смогли. Понемногу на девочку снизошло осознание того, какой опасности он себя подверг, смертельной опасности, — и все ради славы, ради того, чтобы упомянули его в какой-нибудь из баллад.

— Где же он? — беспокоилась она. — Где Эрнандо?

Нянька Мадилла упорно молчала, и девочка насторожилась.

— Он ведь вернется? — спросила она с внезапно вспыхнувшим сомнением. — Вернется?

Ужасная мысль посещает меня: наверно, больше я его не увижу, в жизни все не так, как в балладах, где надежды всегда оправданны, а юные красавцы неподвластны смерти. Но если он, Эрнандо, мог потерпеть поражение и умереть, значит и мой отец тоже может? Я глубоко озадачена этим открытием. Если мы правы в своих стремлениях — а я уверена, что мы правы! — если правы эти brave молодые воины — в это я тоже верю! — если Господь за нас и мы с нашим правым делом под защитой Божьей, то как можно нас победить?

Но вдруг я что-то не понимаю, вдруг что-то не так, и все мы на деле смертны, тогда, пожалуй, нас могут и побе-

дить... Даже красавца Эрнандо с его веселыми друзьями, даже моих мать и отца... Если Эрнандо смертен, то смертны и мать с отцом. Если матушка может умереть, словно простой солдат, словно мул, который тянет тележку с припасами, — а я видела, как умирают мулы, — как же этот мир существует? Как может существовать Бог?

А потом пришла пора ее матери принимать просителей и друзей, и вдруг как по волшебству он объявился в толпе придворных — нарядный костюм, бородака аккуратно причесана, глазами играет — и рассказал всю историю: как они обрядились в арабское платье, чтобы в темноте сойти за горожан, как, подкупив продажного горожанина и воспользовавшись тайной калиткой в стене, проникли в город, как прокрались к мечети, где, преклонив колени, вознесли молитву Пресвятой Деве и рукояткой кинжала прибили к воротам дощечку с надписью «AVE MARIA», преобразовав таким образом мечеть в христианский храм и посвятив его Деве Марии, а потом, застигнутые охраной, силой пробрили себе дорогу по узкой улочке назад, к калитке, и исчезли в ночи прежде, чем прозвучала тревога, ни одного человека не потеряв. На все дело ушло всего несколько минут. Подлинный триумф христиан и пощечина мусульманам!

Это была отличная шутка, смешней не придумаешь, — оставить христианскую молитву в святой святых арабов! Отличный способ унизить мусульман! Королева была в восторге, и король тоже, а принцессы во все глаза смотрели на дону Эрнандо, словно он — оживший герой старых романсеро. Каталина хлопала в ладоши и требовала, чтобы он пересказывал эту историю снова и снова. Однако же в глубине души никак не таял холодок, охвативший ее, когда она представила, что он не вернется.

Что ж, оставалось ждать, как ответят на этот демарш мавры. В том, что ответят, сомневаться не приходилось. Выходка дона Эрнандо и его друзей не могла не быть воспринята как вызов, и ответ не заставил себя ждать.

Королева с детьми поехала в Субию, деревушку недалеко от Гранады, чтобы самой посмотреть вблизи на непри-

ступные стены Альгамбры. Они отправились в путь под охраной армии гвардейцев. Испанцы уже находились на деревенской площади, когда прискакал командир и закричал, что из ворот Красной крепости выступают конные мавры — их целое войско, и они готовы к атаке. О том, чтобы вернуться в лагерь, не могло быть и речи — в любом случае мавры на их быстрых арабских скакунах догонят королеву с четырьмя принцессами, а спрятаться было решительно негде.

Королева огляделась и, таща за руку маленькую Каталину, по ненадежной, осыпающейся лестнице спешно взобралась на плоскую кровлю ближнего дома. Старшие принцессы бегом поднялись сами.

— Мадре, ты делаешь мне больно!

— Тихо, дитя. Нужно посмотреть, что они намерены делать.

— Это они за нами? — проскулила девочка сквозь ладошку, которой зажимала себе рот.

— Может быть. Сейчас увидим.

Нет, то была не вся армия, а только отряд мусульманской конницы. Прекрасно вооружены, одеты в блестящие одежды, попоны коней украшены золотом и вышивкой. Во главе отряда скакал некто огромный, темнокожий, и был он как ночь на своем черном коне-великане, и конь этот страшно скалил большущие зубы, словно злой сторожевой пес.

— Мадре, кто этот человек? — прошептала принцесса, не сводя с всадника глаз.

— Это мавр по имени Тарфе, дочка, и боюсь, явился он по душу твоего друга Эрнандо.

— Какой страшный у него конь! Вот-вот укусит!

— Ему отрезали губы, этому коню, чтобы на него страшно было смотреть. Но нас так легко не испугаешь, нет. Мы не пугливые дети!

— А может, лучше нам убежать? — пробормотало очень даже испуганное дитя. Однако мать, занятая парадом мавров, не расслышала этих слов. — Ты ведь не позволишь ему навредить Эрнандо, да, мадре?

— Эрнандо сам бросил ему вызов. А Тарфе — человек чести, и он на этот вызов ответил. Придется принять бой! — ровным голосом сказала мать.

— Какой же Тарфе человек чести, если он еретик? Мавр!

— Среди них встречаются весьма достойные люди, Каталина, хоть они и не нашей веры. А этот Тарфе, он у них самый сильный. Настоящий герой.

— И как же нам поступить? Как спастись? Ведь он великан!

— Я помолюсь, — сказала Изабелла, — а наш лучший рыцарь Гарсиласо де ла Вега примет вызов Тарфе.

И так же спокойно, как сделала бы это в своей часовне в Кордове, Изабелла преклонила колени на крыше крестьянского дома, жестом приказав дочерям поступить так же. Хуана, хоть и неохотно, подчинилась первой, за ней последовали Исабель и Мария. Каталина, подглядывая сквозь сомкнутые ресницы, видела, что Мария дрожит от страха, а Исабель в своем черном вдовьем наряде (муж ее, португальский принц, недавно умер) бледна как смерть.

— Отец Небесный, мы молимся за наше спасение, за наше дело, за нашу армию. — Королева Изабелла подняла взор к ярко-синему январскому небу. — В этот час испытаний мы молимся за победу нашего рыцаря Гарсиласо де ла Веги...

— Аминь, — выдохнули принцессы и вслед матери посмотрели на ряды застывших в напряженном ожидании испанских гвардейцев.

— Но если Господь за нас... — начала было Каталина.

— Тихо, — остановила ее мать. — Пусть рыцарь делает свое дело, Господь — свое, я — свое... — И закрыла глаза в молитве.

Тогда Каталина потянула за рукав Исабель:

— Послушай, ежели он под защитой Господа, то как же он может быть в опасности?

— Господь посылает испытания, чтобы испытать нас. Те, кого Господь любит больше всех, больше всех и страдают. Мне ль этого не знать. Мне, потерявшей единствен-

ную любовь в своей жизни! Да и ты это знаешь. Вспомни Иова, Каталина.

— Тогда как же мы победим? — удивилась девочка. — Если это так, то раз Господь любит мадре, значит Он пошлет ей худшие испытания? И как же мы тогда победим?

— Тихо, — угомонила их мать. — Смотрите и молитесь всем сердцем.

Противники выстроились рядами друг против друга, готовые вступить в бой, — испанские гвардейцы против отряда арабских конников. Великан Тарфе выступил вперед на своем черном строевом коне, на кончике черного блестящего хвоста которого болталось что-то белое. Испанцы, стоявшие в первом ряду, взвыли от возмущения, распознав, что это такое. То была та самая дощечка с надписью «AVE MARIA», которую дон Эрнандо пригвоздил рукояткой кинжала к воротам гранадской мечети.

Самым оскорбительным образом Тарфе привязал дощечку к хвосту своего коня и теперь ездил взад-вперед перед рядами христиан, довольно ухмыляясь всякий раз, как они взывали от ярости.

Де ла Вега поскакал к маленькому оливковому деревцу, росшему рядом с домом, на крыше которого находились королева с принцессами. Со всех сторон дом был плотно окружен гвардейцами охраны. У деревца рыцарь осадил коня, снял свой шлем и посмотрел на королеву. Курчавые волосы его были черны, лицо сверкало каплями пота, темные глаза горели гневом.

— Ваше величество, прошу позволения ответить на вызов!

— Ступайте с Богом, де ла Вега! — не дрогнув, ответила королева.

— Великан убьет его, — пробормотала Каталина, крепко вцепившись в руку матери.

— Да свершится воля Господня, — ровным голосом ответила Изабелла и прикрыла свои голубые глаза, чтобы сосредоточиться на молитве.

— Мадре! Государыня! Он же великан! Он убьет нашего рыцаря!

Королева, вздохнув, опустила взгляд на разгоревшееся волнением лицо готовой заплакать дочки.

— Будет так, как хочет Господь, — твердо сказала она. — А нам остается только верить, что мы исполняем Его волю. Иногда бывает трудно понять происходящее, но, если ты неуклонно следуешь Ему, никогда не сделаешь того, что идет вразрез с честью. Запомни это, Каталина. Победим мы в этом поединке или проиграем, значения не имеет. Мы — солдаты Христа. И ты — солдат Христа. Эта битва — битва Господня. Он пошлет нам победу — не сегодня, так завтра. И кто бы ни победил сегодня, мы не сомневаемся, что в любом случае победит Господь, и мы вместе с Ним.

— Но де ла Вега... — дрожа нижней губкой, возразила принцесса.

— Никто не знает, угодно ли Господу сегодня прибрать его к Себе, — спокойно сказала королева. — Нам должно молиться за него.

Хуана скорчила рожицу, глядя на сестру, но, когда мать вновь преклонила колени, девочки взялись за руки, утешая друг друга. Исабель, самая старшая, и Мария опустились рядом. Сквозь прикрытые ресницы они смотрели на равнину, где гнедой жеребец де ла Веги гарцевал перед рядами испанцев, тогда как перед сарацинами гордо выступал черный конь мавра.

Королева не открывала глаз и была так погружена в молитву, что даже не слышала, как противники заняли исходную позицию, опустили забрала и изготовили копья к бою.

Каталина вскочила на ноги, перегнулась через низкий парапет крыши, чтобы лучше видеть де ла Вегу, конь которого уже мчался на врага. Мавр на своем черном скакуне столь же прытко скакал ему навстречу. Когда противники столкнулись, до зрительниц донесся громкий лязг, оба бойца с грохотом вылетели из седел и рухнули наземь, древки копий переломились, нагрудные доспехи помялись. Ничего похожего на те церемонные турниры, которые велись при дворе! Целью этой грубой, варварской стычки была

отнодь не демонстрация ловкости и боевого умения. Бой был не на жизнь, а на смерть — требовалось сломать противнику шею, выбить из него дух.

— Ах, он упал! Он умер! — вскрикнула Каталина.

— Нет, оглушен всего лишь, — поправила ее мать. —
Смотри, он уже встает.

Шатаясь от страшного удара, испанец нетвердо поднялся на ноги. Мавр, крупнее и выше ростом, был уже наготове, шлем и нагрудник сдвинулись набок, огромная сабля обнажена и сверкает заточенным, как бритва, клинком. Эрнандо вытащил из ножен свою саблю. И вот они сошлись и, сцепив лезвия, изо всех сил пытаются повергнуть врага наземь. Ни у кого из наблюдающих схватку не возникло сомнения, что у мавра несомненное превосходство в силе. Зритель не мог не видеть, что де ла Вега понемногу сдает: мавр давил на него всей своей мощью, и тут де ла Вега, споткнувшись, упал. Черный рыцарь немедленно пригвоздил его, наваясь сверху, не давая встать. Рука испанца сомкнулась на рукоятке меча, но поднять его он не мог. Мавр же, готовясь нанести смертельный удар, занес свою саблю над горлом противника. Лицо его было сосредоточенно, зубы обнажены в оскале. И вдруг, когда все, замерев, ждали страшного конца, он коротко вскрикнул и упал навзничь. Де ла Вега меж тем перекатился на грудь и резким толчком тела, как пес, встал на колени. В левой руке он сжимал обгаренный кровью короткий кинжал. Похоже, в последнюю минуту каким-то чудом ему удалось достать из ножен клинок и вонзить его в грудь мавра, попав между пластин доспеха.

Поверженный Тарфе лупил рукой по нагруднику, пытаясь ощупать грудь. Сабля его валялась рядом. Ценой нечеловеческого усилия он поднялся на ноги, повернулся спиной к христианину и, шатаясь, направился к своим.

— Я побежден, — пробормотал он товарищам, кинувшимся его поддержать, — мы проиграли.

Гарсиласо торжествовал. Он наколол дощечку с надписью «AVE MARIA» на острие своего меча и под ликующие крики испанцев стоял, высоко подняв его над головой.

Тут как по сигналу ворота Красной крепости распахнулись, оттуда хлынуло войско. Хуана вскочила на ноги.

— Мадре, надо бежать! — крикнула она. — Они идут! Все пропало!

Изабелла не поднялась с колен, даже когда ее дочь бросилась к лестнице, ведущей вниз.

— Хуана, вернись! — приказала она голосом, прозвучавшим словно удар хлыста. — Дети мои, молитесь.

Она подошла к парапету и сначала посмотрела на то, как ее армия под команды офицеров перестраивает свои ряды, занимая позиции, необходимые для отпора, меж тем как мавров с ужасающей скоростью прибывало — они рекой текли из ворот крепости. И только потом она глянула вниз, где Хуана выглядывала из-за садовой стены в нерешительности: то ли бежать к лошади, то ли вернуться к матери.

Изабелла, ничего не сказав Хуане, снова встала на колени и со словами «Будем молиться» закрыла глаза.

— Нет, ну даже не посмотрела! — никак не могла успокоиться Хуана, когда, вернувшись в лагерь, они переодевались у себя в комнате. — Мы оказались прямо посреди битвы, а она закрывает глаза!

— Матушка знает, что разумней и полезней хорошенько воззвать к Богу, чем бегать и реветь, — возразила старшая, Исабель. — Один ее вид, то, что она стоит на коленях и молится у всех на глазах, придавал солдатам уверенности!

— А если б в нее попала стрела или копье?

— Не попала же! И в нас не попала. И мы выиграли сражение. А ты, Хуана, вела себя как полоумная простолудинка. Мне было стыдно за тебя.

День за днем мавры теряли присутствие духа. Стычка у деревушки Субия получила среди христианских воинов название «Перестрелка королевы». Она оказалась последней попыткой сопротивления. Самый могучий воин погиб, город окружен, мавры голодали на земле, которую их пред-

ки сделали плодородной. Хуже того, обещанная поддержка из Африки не пришла ни от правителя Египта, ни от эмиров Марокко; турки хотя и клялись в дружбе, но подвели, султан не решился послать помощь, поскольку сын его находился в заложниках у христиан. Под стенами же стояли испанские короли, Изабелла и Фердинанд, поддерживаемые всей мощью христианства. И вот уже была объявлена священная война. Движение крестоносцев при первом дуновении победы стало вовсю набирать силу. Итак, после «Перестрелки королевы» Боабдил, эмир Гранады, согласился на условия перемирия, и несколько дней спустя, в ходе церемонии, задуманной с присущими испанским маврам тактом и пониманием важности момента, он пешим вышел из кованых ворот города, держа в руках шелковую подушку с ключами от Альгамбры, и преподнес их католическим королям. Это означало капитуляцию — полную и безоговорочную.

Таким образом, Гранада и высящаяся над ней крепость, а также восхитительный дворец, кроющийся за ее стенами, стали собственностью Фердинанда и Изабеллы.

Наряженные в великолепные шелка, полученные от поверженного врага, в тюбанах и шлепанцах, картинные, как калифы, испанские короли всем семейством вошли в Гранаду. Извилистой, круто взбирающейся вверх дорожкой взойдя с родителями в самый прекрасный дворец в Европе, инфанта Испанская и принцесса Уэльская Каталина спала той ночью в гареме, стены которого были украшены красивейшими изразцами, и проснулась под журчание воды в мраморных фонтанах.

Это стало моей жизнью с самого дня победы. Рожденная в военном лагере, следуя за армией от осады к осаде, от битвы к битве, я видывала такое, что не пристало видеть ребенку, ежедневно сталкивалась со страхами и тревогами взрослых. Бывало, едучи верхом, видела тела убитых солдат, разлагающиеся на весеннем солнце, потому что похоронить их не было времени. Видела мулов, тащивших по горным перевалам пушки моего отца, и мулы те были ис-

полосованы кнутами до того, что, живые, они выглядели освежеванными. Видела, как однажды моя мать дала пощечину солдату, который плакал от усталости. Слышала, как рыдали дети, такие же как я, когда их родителей жгли на кострах как еретиков. Но с того момента, как, наряженные в вышитые шелка, мы вошли в Красную крепость Гранады, а потом и в ворота Альгамбры, с того момента я стала настоящей принцессой.

Я стала жить в самом красивом дворце христианского мира, защищенном стенами самой неприступной крепости в Европе, под сенью Божьего благословения. Вера моя в Бога, приведшего нас к победе, и без того огромная, была теперь непререкаема, и я твердо поверила в свою судьбу, судьбу любимейшего создания Господа и любимейшей матушкиной дочки.

В моих глазах Альгамбра явилась доказательством того, что Божественное провидение покровительствует мне так же, как покровительствует оно моей матери. Я — избранное дитя Господа, мой дом — дивный дворец, и мне предназначена высокая, самая высокая участь.

В сопровождении свиты и гвардии — все разряжены с восточной пышностью — испанская королевская семья вступила в крепость через ворота, именуемые вратами Правосудия, над которыми высилась огромная квадратная башня. В тот момент, когда тень первой арки пала на лицо Изабеллы, раздался нестройный вопль труб, подобный тому, каким Иисус Навин разрушил стены Иерихона, — вопль, предназначенный прогнать таящихся в темноте духов неверных. Тут же отозвалось эхо — устрашающий, вызывающий дрожь звук, и люди, собравшиеся на встречу христианских величеств, вжались спинами в золоченые стены. Женщины в широких платьях с полузакрытыми прозрачными шарфами лицами, мужчины, высокие, гордые, статные, молчаливо, настороженно ждущие, как завоеватели поступят дальше. Каталина, глядя поверх голов, заметила летящие арабские письма на тусклом золоте стен.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРИНЦЕССА УЭЛЬСКАЯ

Гранада, лето 1491 года	7
Дворец Догмерсфилд, Гемпшир, сентябрь 1501 года	31
Лондон, ноябрь 1501 года	54
Замок Ладлоу, январь 1502 года	111
Ладлоу, март 1502 года	147
Замок Ладлоу, 2 апреля 1502 года	199

ОЖИДАНИЕ

Зима 1503 года	227
Апрель 1503 года	233
Уайтхолл, июнь 1503 года	285

СНОВА ПРИНЦЕССА

1504 год	291
1509 год	293
Гринвичский дворец, 11 июня 1509 года	316
Лето 1509 года	324

ЕКАТЕРИНА, КОРОЛЕВА АНГЛИИ

Лето 1509 года	347
Осень 1509 года	354
Вестминстерский дворец, январь 1510 года	363
Весна 1510 года	375
Гринвичский дворец, май 1510 года	386

Весна 1511 года	412
1 января 1512 года	416
Весна 1513 года	446
Лето 1513 года	454
Вальсингам, осень 1513 года	470
Блэкфрайерс-холл. Заседание в присутствии папского легата по бракоразводному делу короля. Июнь 1529 года	472
От автора	477

Литературно-художественное издание

ФИЛИППА ГРЕГОРИ
ВЕЧНАЯ ПРИНЦЕССА
РОМАН О ЕКАТЕРИНЕ АРАГОНСКОЙ

Ответственный редактор Ольга Рейнгерверц
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректор Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 20.08.2021. Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 25,2. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-GMH-28840-01-R